Анастасия Именных
(Москва)

ДВА ВАРИАНТА РОМАНА В. П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

К истории публикации

В статье представлен текстологический анализ двух печатных изданий романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты». Анализируется трансформация содержательных, структурных, стилевых черт, произошедшая при переделке журнального варианта произведения в книжный.

Ключевые слова: военная проза, В. П. Астафьев, «Прокляты и убиты», текстологический анализ

Информация об авторе: Анастасия Ивановна Именных, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия.

E-mail: a.imennykh@gmail.com

Two versions of Victor Astafiev's novel Damned and Killed:

Notes on the publication history

The article is devoted to textological analysis of two printed editions of Viktor Petrovich Astafiev's novel *Damned and killed*. The transformation of content, structural, and stylistic features of the magazine version of the work into a book version is revealed.

Key words: war literature, V. Astafiev, Damned and Killed, textological analysis

About the author: Anastasiia Imennykh, graduate student at Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: a.imennykh@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2020-3-4-451-462

Роман Виктора Петровича Астафьева «Прокляты и убиты» (1990–1994) стал результатом длительного осмысления в творчестве писателя самых трагических страниц его жизни, связанных с участием в Великой Отечественной войне. Роман неоднократно становился объектом научного

исследования,[1] однако вопрос истории текста произведения все еще не представляется исчерпанным.

Роман, последнее крупное произведение Астафьева, имеет непростую историю создания: его замысел пришел к автору еще в конце 1950 — начале 1960-х годов. Первые заметки он начинает делать в 1970 году, к середине десятилетия перейдя к активной работе над текстом. Этапы работы достаточно полно отражены в авторском деле писателя, принадлежащем редакции русской советской прозы московского издательства «Советский писатель».[2] В июне 1975 года Астафьев пишет директору издательства Н. В. Лесючевскому письмо с просьбой включить в перспективный план изданий роман под названием «Прокляты и убиты», и уже 4 августа с Астафьевым был заключен издательский договор. По условиям этого договора, автор должен был сдать произведение не позднее 1 июля 1976 года. Однако сроки были перенесены сначала на 20 декабря 1979 года (Астафьев просит сдвинуть срок в связи с планируемой поездкой в Западную Германию), а потом на 20 декабря 1982 года. Сам Астафьев мотивировал этот перенос затянувшейся работой.

18 ноября 1983 года Астафьев пишет письмо в редакцию «Советского писателя», в котором признает заключение договора на ненаписанную книгу ошибкой: «Я продолжаю работу над романом „Прокляты и убиты“, но сроков завершения этой работы назвать не могу. В отличие от опытных романистов, все знающих наперед, я работаю стихийно, не знаю, получится ли книга, когда получится и какая?».[3] Астафьев предлагает издать в 1985–1986 годах книгу «Затеси» (которая ранее выходила в этом же издательстве в 1972 году небольшим объемом[4]), чтобы из гонорара, полагающегося за эту

---

[1] См., например: *Осипова А. А.* Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В. П. Астафьева 1980–1990-х гг. : Дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005; *Британ Э. Л.* Роман В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»: Авторская концепция трагического: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.

[2] *Астафьев В. П.* «Повести и рассказы». [Переиздание]. «Прокляты и убиты». Роман. [Рукопись не поступила. Вышло переиздание]. // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 23. Ед. хр. 95.

[3] Там же. Л. 11.

[4] *Астафьев В. П.* Затеси: Книга коротких рассказов. М., 1972. 238 с.

книгу, можно было вычесть сумму на погашение аванса за роман «Прокляты и убиты». Договор от 4 августа 1975 года был аннулирован, а выплаченная по нему сумма перенесена в платеж по новому договору.

С 1987 по 1990 годы работа над романом велась очень активно. По признанию Астафьева, писать роман он начал с третьей части и лишь спустя годы приступил к первой и второй. В мемуарной и научной литературе имеются сведения о том, что вскоре работа над первыми частями романа так увлекла его, что ему пришлось отойти от третьей книги.[1]

К весне 1990 года был завершен черновик первой книги: «...я, если „дозрею“, то черновик пишу лихорадочно, стремительно, даже не зная, что получится, и только потом, получив первый текст с машинки, маю его и сам маюсь до истощения нервов и плоти»,[2] — написал Астафьев Вере Воробьевой 3 февраля 1990 года.

Впервые роман был опубликован в журнале «Новый мир» в № 10–12 в 1992 году (первая книга) и в № 10-12 в 1994 (вторая книга). Дефинитивным считается текст романа, опубликованный в пятнадцатитомном собрании сочинений писателя (1997. Т. 10). Изучение ближайших историко-литературных контекстов произведения подводит к необходимости сравнить журнальный и дефинитивный варианты текста, выяснить, как трансформировалось произведение, и воссоздать хронологию творческого процесса.

Отметим, что варианты романа схожи композиционно: окончательный текст сохраняет свою фабулу. В первой книге («Чертова яма») речь идет о подготовке солдат в запасном полку близ Бердска. Основные сюжеты первой книги романа остаются без изменений: прибытие новобранцев в карантин, быт запасного полка, показательный расстрел братьев Снегиревых, суд над Зеленцовым, хлебозаготовка в деревне Осипово, отправка роты на фронт. Вторая книга «Плацдарм»,

---

[1] См. об этом: *Астафьев В. П.* Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск, 2009. С. 465; *Лейдерман Н. Л.* Крик сердца: (творческий облик Виктора Астафьева) // Русская литература XX века в зеркале критики: Хрестоматия / Сост. С. И. Тимина и др. СПб., 2003. С. 375–408.

[2] *Астафьев В. П.* Нет мне ответа... С. 439.

посвященная форсированию Днепра, также обошлась без сюжетных изменений. Упомянуты основные сражения, предшествующие битве на Великокриницком плацдарме, подготовка к форсированию реки, захват и удержание плацдарма.

Однако в результате сопоставления печатных текстов нами обнаружен комплекс как содержательных, так и стилистических разночтений. Их количество не удивляет — Астафьев неоднократно редактировал свои произведения после публикации (к примеру, повесть «Пастух и пастушка» претерпела изменения трижды: первая редакция датирована 1967 годом, последняя — 1989).

Немаловажно, что творческий путь Астафьева пришелся на вторую половину XX века, когда в литературе сложилась система эстетических, точнее, антиэстетических координат, основанных на негласном договоре между писателем, читателем и властью, подразумевавшем систему умолчаний, а также определенную расстановку смысловых акцентов.[1] Отказ от «компромисса» приводил к тому, что писателя не печатали. Те же, кто принимал условия «договора» и кому удавалось пробиться в печать, не оставляли попыток если не преодолеть «договор» полностью, то хотя бы частично выйти за его границы. Свидетельством тому может стать история борьбы Астафьева с советской цензурной политикой издательств, начавшаяся с публикации первого рассказа «Гражданский человек» (1951, «Чусовской рабочий»). К созданию рассказа писателя, по его словам, подтолкнуло желание отторгнуть официально сложившийся в советской литературе 1940-х — начала 1950-х годов характер изображения военной и послевоенной жизни. «Пятидесятые годы... Мягко и деликатно так называемая лакировка действительности царила повседневно и повсеместно»,[2] — вспоминает Астафьев. Это привело к первому опыту встречи с деятельностью цензуры, «Гражданский человек» был приостановлен на этапе печати по причине «полного безнравственного

---

[1] *Кукулин И. В.* Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 324–336.

[2] *Астафьев В.* Подводя итоги // Собр. соч.: в 15 т. Красноярск, 1997. Т. 1. С. 28.

содержания».[1] Взгляд Астафьева на войну неизменно порождал сложности при издании произведений. Даже повесть «Пастух и пастушка» не стала исключением: «Сколько редакционное коршунье над повестью ни кружилось, ни расклевывало ее, затерзать до бескровья не смогло, убить не сумело, и повесть, пусть с потерями, ранами и царапинами, но вышла в „Нашем современнике“ № 8 за 1971 год», — признавался писатель.[2]

Отголоски этой борьбы присутствуют и в истории публикации романа «Прокляты и убиты». Редактором первой книги стала Агнесса Гремицкая, сотрудничавшая с писателем много лет. Зная путь Астафьева к «Проклятым и убитым», она внимательно изучила рукописи романа и подготовила ответ рецензенту произведения Владимиру Богомолову и главному редактору журнала Сергею Залыгину.[3] Это способствовало тому, что книга была напечатана в журнале с минимальной правкой и по объему совпала с каноническим вариантом текста почти полностью. Со второй книгой ситуация сложилась иначе: она печаталась в спешке, главный редактор не смог связаться с Гремицкой и отдал роман Алле Марченко. Именно правками Марченко Астафьев остался недоволен: «...текст измаран и исправлен так, что меня оторопь взяла».[4] Следуя этому факту, примем во внимание, что большая часть разночтений во второй книге, скорее всего, возникла в результате постороннего вмешательства в авторский текст. По свидетельству Гремицкой, Астафьев восстановил утраченное при публикации романа в Собрании сочинений.

Рассмотрим подробнее некоторые присутствующие разночтения, предложив их примерную классификацию.

1) Изменения, затрагивающие структуру романа:

а) первый эпиграф — слова апостола Павла «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал 5: 15) — в журнальной

---

[1] Там же. С. 14.

[2] *Астафьев В.* Комментарии // Собр. соч.: В 15 т. Красноярск, 1997. Т. 3. С. 457.

[3] *Гремицкая А.* Преданно ваш...: Заметки редактора // День и ночь. 2014. № 2. С. 19–20.

[4] *Астафьев В. П.* Нет мне ответа... С. 542.

версии расположен под заглавием первой книги, в окончательном издании он перенесен и находится перед первой главой. Однако по смыслу эпиграф соотносится скорее со всей книгой, а не только с ее первой частью.

б) В последнем номере журнала «Новый мир» за 1992 год, после окончания первой книги автор разместил небольшое послесловие, в котором он вспоминает свой 21 стрелковый полк, обское море и пляж Академгородка — остров, который стал местом действия «Чертовой ямы».

в) Примечательно, что в послесловии содержится отсылка к характерному для Астафьева сюжету встречи с погибшими однополчанами (как, например, в его стихотворении «Мне сон приснился...» (1989)). Фонари над обским морем пробуждают его воспоминания: «Уж не сослуживцы ли мои, не братики ли солдатики из двадцать первого полка выходят ночами из мутных вод, покрывших ранние их безвестные могилы...».[1]

г) Кроме этого, первая глава второй книги, в окончательной редакции озаглавленная «Перед переправой», в журнальной версии заглавия не имеет.

2) Изменения в антропонимической системе произведения:

а) в журнальной версии упоминается санитарка по имени Аля. Однако по тому, что это имя указано лишь единожды, только в первой книге и рядом с именем другой санитарки Фаи, можно предположить, что такое имя Астафьев изначально рассматривал для Нели. В журнальном варианте «Плацдарма» и в окончательном тексте присутствуют только две санитарки — Фая и Неля. Причем в журнальной версии имя Нели пишется как «Нэля», в книжной — «Неля».

б) Изменена фамилия заведующей клубом в деревне Осипово, куда временно направлены солдаты: в журнальной версии — Мартемьянова, в книжной — Мануйлова. Изменено и имя рыболовецкого бригадира: Мишка Сухоруков в окончательной редакции стал Венькой, фамилия героя осталась прежней. В окончательной редакции романа мы также узнаем имя сына Феликса Боярчика — Дмитрий.

---

[1] *Астафьев В. П.* Прокляты и убиты. Книга первая. Окончание // Новый мир. 1992. № 12. С. 246. Далее — *НМ* с указанием номера журнала и номера страницы в круглых скобках в тексте.

3) Дополнение сведений о персонажах:

а) в журнальной версии отсутствует ряд важных, запоминающихся деталей и эпизодов. Нет упоминания о смерти Кости Уварова и Петьки Мусикова (главы «Накануне переправы», «Все остальные дни»). Отсутствует сцена, где генерал Лахонин на коленях просит прощения у солдат и командиров. Нет эпизода, в котором Лешка Шестаков тащит своего друга Колю Рындина, получившего серьезное ранение, в эвакуацию. Нет описания убийства начальника политотдела Мусенка — об этом читатель может только догадаться по диалогу Щуся и Бескапустина на его похоронах.

б) Отсутствует или сокращен ряд менее значимых эпизодов. В журнальной версии нет жизнеописания главы деревни Осипово Ивана Ивановича Тебенькова, Валерии Мефодьевны Галустевой, стариков Завьяловых, сокращено описание быта солдат в деревне. Нет истории о двух связистах, потерявших провод, об измене жены вычислителя Карнилаева.

в) Полнее в окончательном варианте раскрыты мысли Васконяна о войне, размышления о Гитлере и нацизме: «Нацизму противостоит большевизм — фрукт с начинкой новой морали, свежей гуманности, отвергающих нацистский и всякий прочий гуманизм. Странно только, что мораль и гуманизм утверждаются разные, методы же их утверждения одинаковы...» (с. 349).

Подробнее описана переправа Лешки через Днепр, его воспоминания о народных преданиях об утопленниках (сцена переправы с Ягором и Яковом), о доме, о жизни в Осипово. В книге ярче проявлен характер Феликса Боярчика: сцена его перепалки с начальником особого отдела в журнале отсутствует. Подробнее раскрываются темные стороны души Зеленцова, его равнодушие к убийству. А Булдаков, напротив, открывается своей лучшей стороной через трогательные отношения с Финифатьевым.

г) В журнальной версии некоторые детали мы узнаем позже, чем в книге. Так, к примеру, в окончательном тексте раньше уточняется, что Зарубин родом из Владимирской области (глава «День первый»), раньше объясняется, что Шорохов — это уже знакомый читателю Зеленцов (глава «День пятый»). Но есть и обратный случай: бойцы Ероха и Родька вводятся в действие раньше в журнальной версии (глава «День первый»).

Таким образом, ряд содержательных правок имеет в основном фактологический характер. Включены эпизоды, касающиеся драматичных и трагических событий романа. Такие подробности усиливают авторское представление о войне как о противоестественном состоянии мира. В целом, в окончательном варианте расширены диалоги главных и второстепенных героев, включены авторские рассуждения о войне, деревне и человеке. Увеличивается глубина описания героев, их воспоминаний, а также пейзажных зарисовок.

4) Стилистические изменения.

Сопоставление журнального издания и окончательного текста романа позволило также выявить ряд стилистических расхождений в вариантах текста.

а) Ряд слов и словосочетаний, таких как «Бог», «Божий мир», «Главный Утешитель» стали писаться с заглавной буквы, в то время как написание словосочетания «советская армия» изменилось с заглавной буквы на строчную.

б) Некоторые слова заменены на просторечные или устаревшие эквиваленты (к примеру, «*устал*» vs «*выдохся*», «*смотрят*» vs «*зрят*»).

Наиболее заметные примеры мы приводим в Таблице 1:

«Новый мир»	Собрание сочинений
Что *на поясе* ремень — они понимали, у них у самих опояски *на поясе*, но вот еще зачем два ремня через плечи? (*НМ-10*. С. 66)	Что *на брюхе* ремень — они понимали, у них у самих опояски *на брюхе*, но вот еще зачем два ремня через плечи? (с. 19)
Пришло народу *много* — всем в тепле поошиваться охота (*НМ-11*. С. 215).	Пришло народу *дополна* — всем в тепле поошиваться охота (с. 140).
Тут Коля Рындин *в голос заплакал (НМ-10*. С. 66).	Коля Рындин *совсем зашелся от горя* (с. 313).

Астафьев добавил также жаргонную лексику: так слово «карты» в журнальном варианте заменено на слово «стирки» с примечанием «карты» в окончательной версии.

в) Иначе переданы фонетические особенности речи героя романа Ашота Васконяна: «*Все пгавивьно. Есви мне и суж-*

дено погибнуть, то с юбовью в сегдце к юдям» (журнальный вариант) vs «*Все пгавильно. Если мне и суждено погибнуть, то с любовью в сердце к людям*» (книжный вариант), «*Они — бгаженные*» vs «*Они — бваженные*». В то время как у Тимофея Назаровича особенность произношения исчезла: «*руськой земли*» vs «*русской земли*».

г) Необычно в романе переданы диалоги немцев с русскими: в журнальной версии все диалоги написаны на русском, в книге же немцы говорят на родном языке, их фразы написаны кириллической транскрипцией, а перевод дан в скобках (см. в Таблице 2):

«Новый мир»	Собрание сочинений
Да. Связист Зигфрид Вольф. Я не стрелял, господин офицер (*НМ-11*. С. 95).)	«Ихь! Ихь хабэ нихт гешосэн, херр официр. (Да! Я! Я не стрелял, господин офицер.)» (с. 545).

д) Присутствует ряд других формальных стилистических изменений. Это сокращения с целью увеличения напряженности реплики, изменения уточняющего характера. Также присутствуют правки, заменяющие одни слова другими — вероятно, по мнению автора, более подходящими и точными (см. в Таблице 3):

«Новый мир»	Собрание сочинений
Ребята, вы что *затеяли*? (*НМ-10*. С. 98)	Ребята, вы что?! (с. 81)
Ничего на этой реке нет похожего на Обь. Ничего! (*НМ-10*. С. 63)	На этой реке, *чужой, настороженной*, ничего похожего на Обь нет. Ничего! (с. 304)
Мартемьяныч — замполит стрелкового полка, он же Кузькина мать, он же Едренте — был побрит, с новым, *неумело подшитым* подворотничком (*НМ-10*. С. 89).	Мартемьяныч — замполит стрелкового полка, он же Кузькина мать, он же Едренте — был побрит, с новым, *сгармошенным* подворотничком... (с. 358)
Враг-чужеземец торопился сделать как можно больше вреда, пролить как можно больше *невинной* крови (*НМ-10*. С. 94).	Враг-чужеземец торопился сделать как можно больше вреда чужой стране, принести больше страданий людям, которые никакого ему зла не сделали, пролить как можно больше *чужой* крови (с. 436).

Правки присутствуют и во введенном в текст романа стихотворении Иона Дегена «Мой товарищ в смертельной агонии...».

Отметим, что стихотворение как самостоятельное произведение было опубликовано Е. Евтушенко в журнале «Огонек» (1988. № 47) в рубрике «Русская муза XX века». Оно имело заголовок «Валенки» и помету «Неизвестный поэт». Однако В. Баевский позднее указал на авторство И. Дегена и привел, по его словам, аутентичный текст.[1]

Вариант стихотворения, представленный в журнале, больше всего соотносится с вариантом, опубликованным в сборнике «Советские поэты, павшие на Великой отечественной войне» (СПб., 1995. С. 489) в разделе «Неизвестные поэты», однако не совпадает с ним полностью. Хотя стихотворение и было написано в 1944 году, широко известным оно стало в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Такая популярность породила множество неавторских вариантов произведения. В романе текст стихотворения представлен как текст песни, вероятно, с целью языковой историко-поэтической стилизации, однако оно стало скорее маркером времени написания романа.

Ср.:

> Мой товарищ! В предсмертной агонии не зови ты на помощь друзей. Дай-ка лучше согрею ладони я над дымящейся кровью твоей. И не плачь ты от боли, как маленький. Ты не ранен, ты просто убит. Я на память сниму с тебя валенки, мне еще воевать предстоит (*НМ-11*. С. 57).

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,

[1] Подробнее от этом: *Баевский В.* Стихотворение и его автор // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 236–237; *Солодкин Ю.* Слово об Ионе Дегене // Заметки по еврейской истории. 2012. № 5 (152). URL: http://www.berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Nomer5/Solodkin1.php (дата обращения 10.12.2020); *Жук В.* К истории публикаций стихотворения «Мой товарищ, в смертельной агонии» // Семь искусств. 2012. № 11 (92). URL: http://7i.7iskusstv.com/2017-nomer11-zhuk/ (дата обращения 10.12.2020).

Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит (с. 436).

6) В окончательном тексте заметно упрощен синтаксис повествования. Ряд предложений в журнальном варианте заключены в скобки, в окончательном тексте эти скобки раскрыты. Сложные предложения разделены на простые, большие абзацы делятся на меньшие, хотя распространенные предложения в романе остались без изменений.

Подводя итоги, можно сказать, что сопоставление дефинитивного и журнального вариантов произведения формирует достаточно полное впечатление о процессе работы писателя над романом «Прокляты и убиты», кроме того, оно оправдано необходимостью увидеть присущие Виктору Астафьеву стратегии построения образов в их специфике. Значительная часть указанных изменений является результатом редакторской правки журнального текста романа, однако присутствуют и изменения, сделанные самим писателем в ходе работы над текстом. Внесенные дополнения и уточнения направлены на то, чтобы более подробно представить изображаемую действительность, взаимоотношения героев, их глубокие переживания, и, в итоге, точнее отобразить авторскую идею о войне как о чудовищном преступлении против человека и человеческой морали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баевский В.* Стихотворение и его автор // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 236–237.
2. *Британ Э. Л.* Роман В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»: Авторская концепция трагического: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
3. *Жук В.* К истории публикаций стихотворения «Мой товарищ, в смертельной агонии» // Семь искусств. 2012. № 11(92). URL: http://7i.7iskusstv.com/2017-nomer11-zhuk/ (дата обращения 10.12.2020).
4. *Кукулин И. В.* Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 324–336.

5. *Лейдерман Н. Л.* Крик сердца: (Творческий облик Виктора Астафьева) // Русская литература XX века в зеркале критики: Хрестоматия / Сост. С. И. Тимина и др. СПб., 2003. С. 375–408.
6. *Осипова А. А.* Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В. П. Астафьева 1980–1990-х гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005.
7. *Солодкин Ю.* Слово об Ионе Дегене // Заметки по еврейской истории. 2012. № 5 (152). URL: http://www.berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Nomer5/Solodkin1.php (дата обращения 10.12.2020).

REFERENCES

1. *Baevskij V.* Stikhotvorenie i ego avtor // Voprosy literatury. 1990. No. 3. P. 236–237. (In Russ.)
2. *Britan Je. L.* Roman V. P. Astaf'eva «Prokljaty i ubity»: Avtorskaja koncepcija tragicheskogo: Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2012. (In Russ.)
3. *Kukulin I. V.* Regulirovanie boli (Predvaritel'nye zametki o transformacii travmaticheskogo opyta Velikoj Otechestvennoj / Vtoroj mirovoj vojny v russkoj literature 1940–1970-kh godov) // Neprikosnovennyj zapas. 2005. No. 2. P. 324–336. (In Russ.)
4. *Lejderman N. L.* Krik serdca: (Tvorcheskij oblik Viktora Astaf'eva) // Russkaja literatura XX veka v zerkale kritiki: Khrestomatija / Sost. S. I. Timina i dr. SPb., 2003. P. 375–408. (In Russ.)
5. *Osipova A. A.* Koncept «Smert'» v russkoj jazykovoj kartine mira i ego verbalizacija v tvorchestve V. P. Astaf'eva 1980–1990-h gg.: Diss. ... kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2005. (In Russ.)
6. *Solodkin Ju.* Slovo ob Ione Degene // Zametki po evrejskoj istorii. 2012. No. 5 (152). URL: http://www.berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Nomer5/Solodkin1.php (data obrashhenija 10.12.2020). (In Russ.)
7. *Zhuk V.* K istorii publikacij stikhotvorenija «Moj tovarishh, v smertel'noj agonii» // Sem' iskusstv. 2012. No 11(92). URL: http://7i.7iskusstv.com/2017-nomer11-zhuk/ (дата обращения 10.12.2020). (data obrashhenija 10.12.2020). (In Russ.)